

Александр
Секацкий
**ФИЛОСОФИЯ
ВОЗМОЖНЫХ
МИРОВ**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ТАК ГОВОРIT СЕКАЦКИЙ

Александр Куприянович Секацкий

Философия возможных миров

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23138634
Александр Секацкий Философия возможных миров:
ISBN 978-5-8370-0725-5

Аннотация

Новая книга философа и писателя Александра Секацкого необычна как с точки зрения выбора тем, так и по способу подачи материала. Каждое эссе представляет собой неожиданный, смещенный взгляд на давно знакомые и привычные вещи, преображающий контуры сущего и открывающий новые горизонты бытия. Высвечиваемые миры не похожи друг на друга, и все же определенным образом они совмещены с нашей реальностью, которая в итоге получает дополнительные непредсказуемые измерения. «Философия возможных миров» поразительным образом соединяет в себе метафизическую глубину, оригинальность мысли и бесспорную художественную выразительность. Лучше классика не скажешь: «Внимай, читатель, будешь доволен».

Содержание

От автора	5
Раздел 1	6
Пришел серенький волчок	6
Спасительность континуума и опыт разрыва	6
Обходить, не видеть, не подавать виду	13
Забалтывать и недоговаривать	17
Природа выдергивания	21
Как в сказке	35
Суперпозиция и экзистенция	39
Суперпозиция и судьба	44
Критика диалектического разума	51
Знать себя, быть собой	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Секацкий

Философия

ВОЗМОЖНЫХ миров

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© А. Секацкий, 2016

© ООО «Издательство К. Тублина», 2016

© А. Веселов, оформление, 2016

* * *

От автора

Возможные миры, описанные в этой книге, не связаны с так называемой логикой возможных миров, берущей начало еще от Лейбница. Некоторые из них суть результаты продумывания мысли туда, где уже не хватает полноты аргументов, но еще остается азарт, заставляющий двигаться дальше, – и надежда передать этот азарт читателю. Другие, сами по себе, безусловно, вымышленные, представляются мне средствами для лучшего постижения действительности – той, в которой мы живем, порой сами того не сознавая. Есть и такие, что возникли неизвестно откуда, оказавшись сюрпризом для самого автора.

И все же у книги есть сквозная тема – я бы определил ее как проблему комплектации души. Над этой проблемой я намерен работать и дальше, а сейчас предоставляю вниманию читателя то, что получилось. Судить прошу строго и безжалостно.

А. С.

Раздел 1

Как если бы

Пришел серенький волчок

Спасительность континуума и опыт разрыва

В науке проблема дискретности, несоизмеримости, разрыва в общем виде так и не поставлена. Из теоремы Геделя следует, что в множестве, сколь угодно обширном, могут появиться элементы, которые невыводимы из имеющегося списка правил, а также утверждения, недоказуемые в рамках принятой системы операций и одновременно не противоречащие другим результатам операций. То есть это множество, даже если оно еще не множество всех множеств, разомкнуто или разорвано. Математики не любят задумываться, куда и каким образом разомкнуто странное множество, но им нравится, что заводятся такие странные, непредсказуемые объекты.

Жаль, однако, что никто не задумался о другом: о том, что, возможно, эти объекты выглядят бессвязными, поскольку

ку была разорвана связь, связующие звенья были удалены, изъяты из мира. Как, куда и зачем – никому не приходит в голову мыслить в этом направлении, а ведь речь идет о сфере матезиса, где прилегают друг к другу даже такие элементы, которые изгнаны из всех прочих континуумов. Но и тут возникает вопрос: почему эластичная математическая упаковка мира такая дырявая? Почему так называемые мировые константы, будь то скорость света c или постоянная Планка h , окружены зияющими дырами? Они оплетают канву событий как паутинки, а не как полотнище...

Психическая реальность изорвана, в ней нет континуума – так можно подытожить учение Фрейда. С тех пор прошло немало времени, и пора бы уже разобраться, откуда берутся провалы бессознательного, или, если угодно, черные дыры сознания. Первичная сцена выдернута из памяти, на месте выдирки остался разрыв. Он влияет (да еще как!) на функцию оставшегося континуума, того самого, что описал Декарт. Почему мы не помним, и даже *изо всех сил не помним*, почему убегаем от неопознанного, вычисляем, рационализируем? Фрейд отвечал: таково требование «я». Наше «я» смотрит на зияние только что или давно исчезнувшего события или феномена и спешит заполнить пропасть близлежащими феноменами, как будто ничего на их месте и не было, как будто и самого места не было. Континуум психического содержит множество пробоев, и психика – штука куда более дырявая, чем математика.

О разрывах можно продолжать и продолжать, они везде, не успеет затянуться рана, затянуться кажущейся когерентностью, умопостигаемостью, — и вдруг на новом месте появляется свежая выдирка. Почему же молчат об этом и сколько можно молчать? Как будто бы весь опыт разрыва связан только с обрушением сознания в пропасть бессознательного. Батай, а затем и Жижек выбрали эту тему как главную для своего творчества. А слабо было бы написать о том, как *выдирают людей*? Про то, как *они*, неизвестно кто, неизвестно зачем, откуда и куда, выхватывают куски пространства, как кубики, да так, что пропадает навеки все, что вошло в кусок? А дыра быстро затягивается, хотя и не во всех слоях существа одновременно, даже в памяти случайных свидетелей поразному. Дикий страх оплавляет края, чтобы зияние дальше не расползлось, и вот уже все прохожие проходят сквозь отсутствующее и сквозь отсутствующих как сквозь пустое место. Только не ясно, что происходит с общей вместимостью, с местоизмещением мира после выдирания.

Я не собираюсь ничего скрывать и намерен поведать, как выдрали Витька. Мне было четырнадцать лет, Витек Сапунов был моим одноклассником. В тот день мы вышли из школы вместе, я, Витек и Бобер, и пошли сначала провожать Боброва. Он жил на улице Солдата Корзуна, мы иногда ходили по мостику через речку Новую и тогда тоже пошли по мостику. Витек рассказывал про охоту на лис у англичан — то, что он вчера прочитал в какой-то книжке, — и это случи-

лось на полуслове.

Что-то разверзлось (небеса, хляби небесные, еще какие-нибудь хляби), и Витька выдрали напрочь, выдрали именно вместе с куском пространства. Его выдернули из пространства, но и место, занимаемое им, выдернули тоже. Я шел слева, слышал только легкий свист, почувствовал укол ужаса, очень острый, – и все, Витька больше не было. Я тогда находился к нему ближе, чем Бобер, и *те*, кто выдрал его с мясом из нашего мира, задели край моего рукава, осталась дырка, на землю не упало ни одной ниточки. И ветерок тоже выдрали на какое-то мгновение, и память у Боброва и двух прохожих, которые шли навстречу, память насчет Витька, насчет того, что только что случилось. Потом в своей жизни я видел еще несколько изъятий, научился распознавать, под конец даже чувствовать разрывы и дыры, но первый укол ужаса остался самым сильным. Так было мне поведено важное знание о мире. Но теперь я знаю и то, что опыт разрыва, опыт выдирания куска сущего есть практически у всех, только этот опыт изгнан из памяти. Ведь даже если первичная сцена вытесняется из-за ее несовместимости с континуумом психического (все же Фрейд был очень проницателен), то уж выдирка, случившаяся в твоём присутствии, и подавно вытесняется из сознания: пудовые гири забвения тут же вешаются и на характерный легкий свист, и на то, что выдрано, и на того, кто выдран, невзирая на степень близости. Люди теряли в один миг родственников, знакомых, собачек – и ни-

чего. Дыра в памяти затягивалась едва ли не с той же скоростью, что и сквозной разрыв в слоях сущего. С того момента, как Витька выхватили из пространства, и вплоть до сегодняшнего дня я изучаю опыт разрыва – и пришел к выводу, что следы *изъятия в никуда* все равно остаются в той или иной форме, форма же следа отчасти зависит от того, что и из какого слоя было выдрано.

Проводя расспросы, я выяснил (если вообще удавалось разговорить очевидцев), что свист помнят если не все, то большинство, а вот визуальные впечатления весьма индивидуальны – если опять же они вообще есть. Мне запомнилось, хотя, возможно, это тоже подмена воспоминаний, что был какой-то *коготь*, мгновенно протянувшийся из неведомых далей и схвативший *первое попавшееся*. Я думаю, никакой особой предрасположенности выдернуть именно Витька не было, – я, Бобров, соседний кусок пространства с неровными краями могли с таким же успехом стать жертвами выдирики. То есть основания для изъятия того или иного фрагмента сущего наверняка есть, но они уж точно трансцендентны человеческому разуму. Пути выхватывающей Длани и Когтя выдирающего неисповедимы. Иногда мне представляется, что это ковш серебристого, хотя и невидимого экскаватора, ковш, способный мгновенно вгрызаться в любую облюбованную наличность – в плоть, в гравитационное поле, в абсолютно черное тело, в прошлое. Да, и в прошлое как давно минувшее, так и совсем еще свежее – и отовсюду выдирать

кусок произвольного размера, оставляя рваные, но быстро зарастающие края.

Другие свидетели разрывов, из которых мне удалось что-то вытянуть (увы, их немного, очень похоже, что *эти* первичные сцены вытесняются быстрее, надежнее и дальше всего), приводят свои образы. Например, склеивание: «невидимая Птица склонула что-то налету и помчалась дальше» или «гигантский липкий язык Лягушки выбросился откуда-то из космоса, и – прощай, Жулька (фокстерьер), – больше я ее не видел».

Что же касается Виктора Сапунова, то самым удивительным для меня стала скорость затягивания сквозной дыры. Прямо стоит перед глазами, как Бобров побледнел, сглотнул слюну и сказал: «Ну, свяжешься, блин, с этим Витьком, вечно какие-то проблемы», и больше он о Сапунове не упоминал. Никогда. И в дальнейшем всячески избегал оставаться со мной наедине. Учительница в классе на следующий день, делая перекличку, фамилию Сапунов даже не озвучила – ее взгляд скользнул через пустующее место за партой и проскочил дальше.

Мой более чем тридцатилетний опыт расследования показал, что, несмотря на чрезвычайную затрудненность прямых свидетельств (увы, коготь Выдры смазан эликсиром амнезии), с ситуацией внезапного исчезновения, *выхватывания*, хоть однажды сталкивается едва ли не каждый. Косвенных свидетельств более чем достаточно, пусть общая карти-

на далека от ясности. Я не сомневаюсь, что на стыке философии, физики, математики, психоанализа, истории и практического сталкерства когда-нибудь возникнет наука, которая займется топографией дыр, прорех и участков замещенной событийной ткани, тех многочисленных «кусочков пластыря», которыми буквально залеплено все происходящее, любая внешняя стабильность, любой континуум. Важнейшая особенность человеческого познания, укрывшаяся от внимания Канта, это счастливое игнорирование прорех и склеек, естественное тяготение к спасительному континууму, проявляющее себя на всех уровнях – от первичной сенсорики до идей диалектического разума.

Сейчас еще несколько слов о прямых свидетельствах разрывов, по отношению к которым человечество проявляет завидный героизм, руководствуясь девизом «В упор не видеть». Мне удалось собрать десяток рассказов, но приводить их целиком нет никакого смысла, поскольку отнесены они будут все равно куда-нибудь в «историю болезни», то есть по ведомству психиатрии. Но вот последний эпизод, дающий представление и об остальных. В прошлом году, будучи в Самаре, я зашел в какой-то бар выпить кофе, и поскольку свободных столиков не было, я подсел к мужчине за ближайшим столом, который на мой вопрос: «Можно?» – просто кивнул. Минут десять мы молча пили кофе, после чего мужчина встал, собираясь уходить, и вдруг, пристально взглянув на меня, сказал:

– Имейте в виду, *они выдерживают людей*. – И ушел, не оглядываясь.

Я хотел сказать ему: «Я знаю», но не сказал.

Допивая кофе, я думал, что так примерно и выглядят редчайшие случаи обмена опытом прямых разрывов. И о том, что Вселенная не только по периметру, но и в толще, во всех ее слоях буквально покрыта бермудскими треугольниками самых различных размеров. И кем же нужно быть, чтобы видеть в первую очередь не эти зияния, а гладкий континуум, для которого всегда наготове подходящее имя, например, «умопостигаемость», имманентность, связность, целостность, прозрачность, то есть все добродетели познания и самого разума. Для этого, конечно, достаточно просто быть обычным человеком.

Обходить, не видеть, не подавать виду

Переоткрытие психики как Бермудского архипелага принадлежит Фрейду, хотя прямых свидетельств умудрился в упор не увидеть и сам Зигмунд Фрейд. Что касается *страха по краям*, липкого страха, расходящегося мгновенными метастазами, то, пожалуй, точнее всего он описан у Станислава Лема в повести «Воспитание Цифруши». Одна из новелл называется «Рассказ Первого Размороженца», там размороженный герой рассказывает свою историю участия в галактическом оркестре, репетирующем музыку сфер. В ор-

кестре собраны лучшие музыканты близлежащих галактик – и они очень стараются, тщательно обсуждают все недочеты, настойчиво ищут причину срыва гармонии, перебирая все мыслимые и немыслимые обстоятельства. Кроме одного, о котором ни слова. Ни намек, ни полслова.

«И еще замечая: в самом темном углу зала – шкаф, величиною с целый орган, черный, огромный, затворенный, а в нем окошечко зарешеченное, и, если случается фальшь по-заметнее, мелькнет там глаз, мокрый и жгучий, ужасно противный, и спрашиваю у тромбониста, кто там? А тот молчит. Я к контрабасу – молчит. Виолончель – молчит. Треугольник – молчит. А флейта пикколо пнула меня в лодыжку. Вспомнил я о совете старца и молча уже играю, то есть стучу. Вдруг скрип нестерпимый, открывается Шкаф в Углу, и вылезает оттуда Некто Пятиэтажный, черный как ночь, с глазами что мельничные жернова, и между колоннами плюхается не примеряясь, будто в лесу, и, сидя, разглядывает нас мокро и жгуче. О мраморный зад музы спиной волосатой скребет, другая муза у него под локтем, ну и жуткий же этот Углан, как глянешь, так по спине мурашки! Вот тогда-то и стала совсем пропадать у меня охота музицировать в Филармонии Гафния, потому что Углан как начал свой зев разевать, так все раскрывал его и раскрывал, а по причине общей громадности и габаритов шло это дольше, чем мне того бы хотелось, в середине же было мерзко до ужаса – и клыки были мерзкие, и язык за ними еще мерзейший... Огля-

дываюсь – близ меня контрабас и труба, и тоже рот разеваю, чтобы спросить, кто, мол, сие чудовище, откуда и почему, а также зачем, и вообще – с каким смыслом? Но тут припомнились увещевания старца, в голове зазвучало: “Что бы ты ни увидел ужасного – ни слова, ни звука, ни гугу”, а потому, одумавшись, дальше играю, а поджилки трясутся, слабеют коленки. Различаю ноты, тараща глаза, но неотчетливо как-то, словно мухи наделали, не понять, где квинта, где кварта, пятнышки, кляксы, все расплывается, как сто чертей, – верно, черти и принесли эти ноты, думаю, и тишина воцаряется тактов на восемь, а в ней ах до чего отвратительный звук: едкий, сгущенный, муторный, зубодерный и глоточный сип раздается, Углан зевнул, зубами щелкнул, потягивается, хребет щетинистый трет о задок музыки, выглянул из своего угла, принюхался, пыхом пыхнул, а потом и жрыкнул, да-да, жрыкнулось ему, в сей храмовой тишине, филармонически сосредоточенной, ужасно гадостный Жрык, но никто не видит ничего и не слышит!»¹

Чудовище, «невидимое в упор», не просто жрыкает, но и время от времени хрумкает музыкантов, то выхватывая тромбониста, то отправляя в пасть, в свой зев арфистку или трубу с вытянутой рукой трубача. Блестяще описана Лемом атмосфера всепроникающего страха и мгновенного забвения, тонко описываются «разборы полетов», где анализируются все ошибки музыкантов, все до мелочей, до мель-

¹ Лем С. Сочинения: в 10 т. М., 1999. Т. 6. С. 458–459.

чайших нюансов трактовки замысла композитора и дирижера. Все, кроме Углана Жрыкающего, без разбора выдирающего музыкантов, оставляющего кровоточащие куски пространства. Как же напоминает это сверхцензуру нашей повседневности, заставляющую подозревать что угодно и кого угодно, лишь бы не упоминать о жрыкающем, о Выдре. В свое время Фрейд провозгласил: пациент готов признаться в гораздо более мерзких мерзостях, лишь бы скрыть истинную первопричину своего невроза. Однако этот же упрек можно адресовать и психоанализу в целом: тщательно исследуя неоднородность психического, пытаясь осветить светом сознания все щели, психоанализ проходит мимо вопиющих зияний – совсем как оркестранты, ежедневно репетирующие музыку сфер. Создается впечатление, что такая сосредоточенность на провалах бессознательного имеет целью прежде всего отвлечь от других провалов, образовавшихся из-за выдергивания людей, беспричинного изъятия огромных фрагментов прошлого из-за работы дырокола памяти и дырокола истории.

Впрочем, Фрейд, бросивший вызов представлениям о континуальности психики, заслуживает упрека в наименьшей степени. Исследованные им механизмы вытеснения, рационализации и прочие инструменты инаковидности важны для сквозного исследования разрыва. А вот тезис Гегеля насчет «могущества духа», состоящего в том, чтобы «удержать себя в абсолютной разорванности», следует дополнить:

не только удержать, но и отдавать себе полный отчет о разрыве всех гомогенностей, о неизбежности разрыва, о том, что истина бытия состоит в его разорванности.

Забалтывать и недоговаривать

Если игнорировать изъятия объектов и их фрагментов еще как-то удастся ценой допусков, неточностей, *недостающей массы* и избыточных теорий, то просто игнорировать выдергивания людей, видимо, невозможно, напряжение сил, страхов, забвения чревато истерическим, а то и шизофреническим срывом. Навык игнорирования дыр в континууме подстрахован эвфемизмами и экивоками, вроде бы нечто прикрывающими, намекающими на что-то, но тем самым еще тщательнее скрывающими. Приведу примеры. Вот эвфемизм «серенький волчок» — на его месте, конечно, могла бы оказаться Баба-яга, злой дух или еще кто-нибудь...

Придет серенький волчок
И ухватит за бочок...

Волки съедят, Баба-яга заберет — в одной только русской традиции таких формул десятки. Попробуем разобраться, каково содержание послания и его смысл. Послание разворачивает картину весьма и весьма далекую от действительности, действительность явно не имеет отношения к предостережению относительно диких зверей, которые водятся в

диком лесу и могут растерзать. Серенький волчок – это совсем другое. Он ведь не водится в темной комнате, не бегают по тротуарам и городским улицам, не караулит в садиках и яслях. Зато во всех этих местах (и, похоже, во всех местах вообще) водится нечто совсем другое, иносказательно именуемое, например, Сереньким Волчком (далее с прописной). Или тем жрыкающим, сидевшим в оркестровой яме, но и там оно (он) было, конечно, в переодетом виде.

Странность Серого Волчка, его неуместность, проглядывает сквозь эвфемизм незатейливых высказываний. Зачем пугать детей? Зачем убаюкивать их теми же словами, которыми их только что пугали? Общим в семантическом поле глаголов «съест», «унесет», «заберет» является то, что *не останется следов*, поэтому не годится просто «убьет», «умертвит», несмотря на несколько большую степень реальности соответствующей угрозы. Есть и промежуточное состояние «по кусочкам не соберешь». Какие уж кусочки... В целом тотальность исчезновения обычно подчеркивается (иррациональность, правда, состоит в том, что подобные колыбельные адресованы собственным детям), куда более надежно сокрыто другое обстоятельство, а именно абсолютная непостижимость, немотивированность пришествия Волчка и его последующего деяния (что, наверное, впечатлило Норштейна и вдохновило его на «Сказку сказок»). В заговорах взрослых пришествие Серенького Волчка может быть вторичным образом мотивировано непослушанием, балов-

ством, беспокоящим поведением и прочими пустяками, но такая мотивация только лишь затемняет тайну его Пришествия. Если в словах, которые сказаны в сердцах (будешь доставать – волку отдам), заметна подмена, привнесение некоего «воспитательного резона», то в убаюкивающей колыбельной покров эвфемизма минимален: *не ложися на краю...* Всего-то заснул на краю – этого уже и достаточно для волка, уже и схватит, и утащит во калиновый лесок, под ракитовый кусток, умчит в тридевятое царство... А будешь предусмотрительным (послушным), ляжешь у стеночки и – что ж, с той же вероятностью или, лучше сказать, непредсказуемостью Волчок выхватит и оттуда.

Почему? А потому что в мире, по которому он шастает, *нет стеночек*, этот континуум не полон, он с дырками и прорехами: даже при самом строгом математическом слежении появляются объекты, не выводимые из континуума, не доказуемые и не опровергаемые в нем. Там, где выдергивают людей без объяснения причин (да и без наличия оных), там мы все на краю. И это «там» – *здесь*, вот в чем дело. Здесь, за соседним углом, в отчем доме, в детской спальне.

Когда серенький волчок, когда явится волчок,
Агнца себе найдет и утащит во лесок.

Думается мне, что не случаен интерес к простой детской песенке, не случаен и удивительный мультфильм Юрия Нор-

штейна – воистину запредельная сказка, повествующая о том, о чем принято дружно молчать и что может быть озвучено лишь в двух тональностях – либо в тональности леденящего ужаса, либо в интонации детской колыбельной, всегда вмещающей в себя самую радикальную философию мира.

В связи с пришествием Волчка стоит сказать несколько слов о смерти, вещи весьма печальной, но все же привычной, медленно сглаживающей собственные разрывы и быстро – чужие. Когда хотят выразить непоправимость смерти, ее внезапность, «не укладываемость в голове», нередко говорят: «Смерть *вырвала* из наших рядов...» – и в этом случае называют смерть не своим именем, если угодно, клеветают на нее. Смерть не вырывает из рядов бесследно, ей предшествуют пуля, нож, болезнь, старость, усталость от жизни и сама жизнь в ее исполненности. Совсем не волчьи повадки у смерти, она плавно вписана в мир естественных феноменов, и лишь в том случае, когда с трудом помнящие говорят о внезапно пропавшем: «Где-то сгинул», они, возможно, приближаются к сути дела. При всей своей непоправимости смерть все равно остается внутри континуума умопостигаемости. Покинувшие мир посредством смерти не забыты, или, лучше сказать, память о них угасает медленно, некоторых из них мы помним до сих пор. Иное дело *детский серенький волчок*, он же Жрык, он же Выдра, запускающая свой коготь *из ниоткуда* и уносящая, возможно, первую попавшуюся добычу в никуда. Да хоть бы и под ракитовый кусток, по-

сколько любой ответ будет все равно гаданием на кофейной гуще: *там* нет локализации, никакой. То есть колыбельная права и еще в одном аспекте: хотя о месте обитания Волчка ничего не известно, не известно, так сказать, в позитивном плане, но апофатически очевидно, что эта нелокальность находится по ту сторону добра и зла, причинности, да и пространства, поскольку она не локальность. Дело в том, что *выдергивают людей* непослушных, подлых, о чем-то задумавшихся, бегущих стометровку, а также покладистых, заслуживающих уважения окружающих, имеющих четверых детей. Максимальная точность возможной локализации и указана в колыбельной: просто оказавшихся с краю (крайних) с той уже отмеченной поправкой, что для Волчка не существует внутреннего, защищенного и заговоренного. Его внезапной добычей может с равной вероятностью стать и тот, кто тише едет, и тот, кто лезет поперек батьки в пекло, и тот, кто забрался в уголок, чтоб никто не уволок. Впрочем, привлечь внимание Волчка какой-нибудь особенной приманкой тоже невозможно, в этом его отличие от Бога и от дьявола.

Природа выдергивания

О ней мы все еще ничего не знаем, кроме того, что естественный ход вещей подобных разрывов не предусматривает — об этом, в частности, говорит закон сохранения энергии, в том числе его современная формулировка, как сохранение

импульса, четности и тому подобное. Но, во-первых, естественный ход вещей, собственно природа, греческий «фюзис», сам однажды установился по мере остывания Вселенной. Во-вторых, современная физика и прежде всего квантовая механика (и в ней теория Multiverses Эверетта – Дойча) подсказывают, в каком направлении может лежать объяснение. Я попробую кратко описать возможное применение инструментария квантовой механики в чрезвычайно адаптированном виде, используя всего несколько инструментов, которые в итоге сами как бы выдернуты².

Итак. Многие полагают, что самое полное уничтожение называется аннигиляцией. Частица сталкивается с античастицей, и в результате встречи обе они в своей экземпляричности исчезают. Но при этом выделяется квант энергии, то есть исчезновение все же не является совсем бесследным. Стало быть, аннигиляция не годится для теории разрыва, она происходит внутри континуума, внутри Универсума в смысле Universe. Или иначе «ничто», возникающее в результате такого уничтожения, слишком предсказуемо, оно подчиняется правилам, в том числе и правилам арифметики.

Зато подходит другой феномен, ведущий на самое дно ничто, – суперпозиция. Обобщенно говоря, речь идет о следующем. Представим себе квантовый объект, например, это

² Подробнее и с других позиций я рассматриваю некоторые проблемы в «Иллюзии Времени» и в «Посторонних комментариях к квантовой механике». Можно также обратиться к книгам Дэвида Дойча и Брайана Грина.

будет пара элементарных частиц. Этот объект, его еще называют квантовый ансамбль, находится в состоянии $n\uparrow$ и $n\downarrow$, в дальнейшем я буду записывать суперпозицию как $(n\uparrow, n\downarrow)$, хотя этот способ и не является общепринятым. Вопрос: каким образом квантовый ансамбль находится в этом двойственном состоянии? Ведь и вода может находиться в любом из трех состояний, однако эти состояния отделены друг от друга, и вода не может пребывать во всех трех состояниях сразу: если угодно, этому препятствует время, главный изолятор, разделитель феноменов в Универсуме. Строгая логическая дизъюнкция «или – или» разлагается на оппозиции «до – после» и «там – здесь». Не так обстоит дело с квантовым объектом n , его существование представляет собой пару, точнее говоря, комплект вида $(n\uparrow, n\downarrow)$. Можно предположить, что запасов времени в микромире просто не хватает, чтобы разделить этот комплект на строгие альтернативы, – и мы имеем дело с суперпозицией, то есть с самой элементарной связкой, которая только возможна. Физики уже давно освоили, можно сказать, привыкли к такой доальтернативной группировке реальности в квантовом мире: «Индивидуальные частицы не имеют своих собственных состояний, а существуют только в сложных взаимосвязях с другими частицами, называемыми корреляциями»³.

Комплекты вида $(n\uparrow, n\downarrow)$, а в общем случае вида $(n\uparrow, n\downarrow \dots n?)$ отнюдь не результаты сложения отдельных дискретных

³ Пенроуз Р. Новый ум короля. М., 2008. С. 262.

составляющих, не букетики, составленные из цветов. Ни в одном из них нет ни «розы», ни «лилии», есть что-то вроде «ролии» – и нужно произвести выдирку, разрыв, чтобы извлечь из комплекта (ро.....лия) розу или лилию. Мир устроен так, что мы не можем предрешить, что именно будет выдернуто, – но суперпозиция будет разрушена, и нам придется иметь дело с раскомплектованной, впервые индивидуализированной «ролией», будь она хоть розой, хоть лилией. Увы, паноптическая метафора и вызванные ею наглядные представления все время дают сбой, а значит, и повод для недоумений. Букеты нашего мира – не суперпозиции, поэтому, если мы выдергиваем из них розу, лилия остается в вазе. Ведь наши букеты всегда «вторичны», собраны из спасенных, сохраненных индивидуальностей, из тех, которые еще не обособлены в исходных комплектах ($n\uparrow$, $n\downarrow$). Изначально же дело обстоит так: если мы выдернули розу, то «ролия» вместе с лилией исчезают навеки – тут, наверное, можно догадаться, к чему я клоню. Но не будем спешить, возможно, речь идет о построении общей Теории Разрыва, куда более фундаментальной, чем, например, общая теория систем Людвига фон Берталанфи, имеющая дело с обособленными элементами, которые не размазаны, как электрон по своей орбите. Как бы там ни было, но наличие суперпозиций и существование комплектов вида ($n\uparrow$, $n\downarrow$) доказано в том смысле, в каком физика вообще может что-то доказывать, если речь идет о квантовом мире. Кошка Шредингера (кстати, пример-

но в половине случаев описываемая как кот) такой же законный обитатель микромира, как кошка Мурка – обитательница вашего дома. Вопрос в том, насколько разнятся их повадки. Описать повадки кошки / кота Шредингера норовит едва ли не каждый уважающий себя физик, если он обращается к вопросам квантовой механики. Огрубляя и упрощая, дело сводится к следующему: квантовая кошечка (объект n) представляет собой ансамбль, то есть комплект по крайней мере двух состояний, $n\uparrow$ и $n\downarrow$. Ничто не мешает нам придать состоянию $n\uparrow$ значение «жива», а состоянию $n\downarrow$ – значение «сдохла». В квантовой среде, где обитает кошечка, встречаются и не такие странности. Квантовую кошку зовут Жидохла, раз уж квантовый цветок называется «ролия»... И она прекрасно существует в своем комплекте! В состоянии «жива» кошке свойственно мурлыкать, в состоянии «сдохла» – пованивать; Жидохла этим и занимается – то мурлыкает, то пованивает без какого-либо ущерба для своей комплектности. Примерно так согласно физикам и выглядит корпускулярно-волновой дуализм, и квантовый мир есть не что иное, как стая таких кошек, сплетающихся хвостами, – до тех пор, пока мы не решили точно установить, в каком именно состоянии находится конкретная Жидохла. Это можно сделать, измерив соответствующий параметр (в распоряжении физиков находится сегодня множество подобных приборов), то есть акцентировав одно из состояний, $n\uparrow$ или $n\downarrow$, после чего кошечка больше не мурлыкает, а только пованивает.

При всей кажущейся невинности произведенного измерения происходит разрыв суперпозиции (декогеренция) – самое радикальное уничтожение или исчезновение, по сравнению с которым стирание в порошок, сжигание, да и сама аннигиляция – всего лишь незначительные флуктуации Универсума. Как только роза выхвачена из комплекта, потенциальная лилия, произраставшая вместе с ней (точнее говоря, они мирно произрастали друг в друге, составляя «ролию»), исчезает безвозвратно. Более того, это исчезновение ничем не компенсируется с точки зрения всех известных формулировок закона сохранения⁴, так что физикам следует подумать над более общим принципом сохранения, чем-нибудь вроде закона затягивания разрыва, хотя он будет и законом несохранения, то есть расширением теоремы Геделя на весь физический Универсум.

Таковы, стало быть, известные всем повадки кошки Шредингера, и главный вопрос состоит в том, в какой мере их можно распространить на обычную Мурку, учитывая, что где-то между ними располагается Чеширский Кот, способный редуцироваться до собственной улыбки. Возможна ли суперпозиция макрообъектов – вот в чем вопрос, по поводу которого физики качают головами, но все же не могут ответить однозначно прежде всего потому, что нет понимания

⁴ Я полагаю, что утрата потусторонней пары компенсируется *удвоением розы*, в результате чего и рождается экзemplярность сущего. В этом же акте «рождается» и квант времени – хронон.

смысла данного вопроса. И хотя физик-экспериментатор, акцентирующий одно из состояний объекта и тем самым разрывающий суперпозицию, ведет себя как Серенький Волчок, свое собственное возможное бытие на краю он, конечно, не рассматривает.

Ну а мы рассмотрим еще одну важную особенность объектов вида $(n\uparrow, n\downarrow)$, к которым относится, в частности, и «ро-лия»; ее, этот объект, в более полном виде можно записать как $(ро<за>, <ли>лия)$. Состояния $n\uparrow$ и $n\downarrow$ могут располагаться совсем рядом и буквально друг в друге, однако это необязательно. Будучи состояниями одного объекта, находящегося в суперпозиции, они могут располагаться и далеко друг от друга. Пенроуз, интерпретируя знаменитый опыт с интерференцией света, пишет: «Щели не обязательно должны располагаться поблизости друг от друга для того, чтобы фотон мог пройти сквозь них одновременно»⁵. Если между источником света и щелями-проемами в экране разместить так называемое «полупосеребренное зеркало» под углом в сорок пять градусов, мы получим любопытный эффект: «Как и в случае фотона, возникающего из двух щелей, волновая функция имеет два пика, но теперь эти пики разнесены на большее расстояние. Один пик описывает отраженный фотон, другой – фотон, прошедший сквозь зеркало. Кроме того, расстояние между пиками со временем становится все больше и больше, увеличиваясь беспредельно.

⁵ Пенроуз Р. Новый ум короля. С. 228.

Представьте себе, что эти две части волновой функции уходят в пространство и что мы ждем целый год. Тогда два пика волновой функции фотона окажутся на расстоянии светового года друг от друга. [То есть] каким-то образом фотон оказывается сразу в двух местах, разделенных расстоянием в один световой год!»⁶

Подчеркнем: речь идет об одном и том же объекте n , две версии которого неразличимы, пока не измерены, притом что одна из них может быть описана как «в огороде бузина», а другая – «в Киеве дядька». И опять же вернемся пока к Пенроузу, хотя подобного рода пассажи можно найти во множестве книг и статей по квантовой механике:

«По правилам квантовой механики *любые* два состояния, сколько бы сильно они ни отличались друг от друга, могут существовать в любой комплексной линейной суперпозиции. Более того, любой объект, состоящий из отдельных частиц, должен обладать способностью существовать в такой суперпозиции пространственно далеко разнесенных состояний и тем самым находиться в двух местах сразу! В этом отношении формализм квантовой механики не проводит различия между отдельными частицами и сложными системами, состоящими из многих частиц. Почему же тогда мы не наблюдаем в повседневной жизни макроскопические тела, например, теннисные шарики или даже людей, находящихся в двух совершенно различных местах? Это глубокий вопрос, и со-

⁶ Там же.

временная квантовая теория по сути дела не дает нам удовлетворительного ответа на него»⁷.

Вопрос о судьбе суперпозиций в современном мире вызывает у Пенроуза целый ряд затруднений, приходится физику-философу в поисках решения ходить вокруг да около:

«Когда эффекты различных квантовых альтернатив оказываются увеличенными до классического уровня, так что различия между альтернативами становятся столь большими, что мы можем воспринимать их непосредственно, тогда такие суперпозиции с комплексными коэффициентами, по-видимому, перестают существовать... действительные числа теперь играют роль настоящих вероятностей для рассматриваемых альтернатив»⁸.

Однако убедительное теоретическое объяснение редуцирования суперпозиций отсутствует, в конечном счете приходится просто опираться на то, что ничего подобного мы не видели, и Роджер Пенроуз это честно признает: «...между квантовой механикой и экспериментами не было обнаружено никаких расхождений, если не рассматривать, разумеется, явное отсутствие линейной суперпозиции крикетных шаров как контраргумент. Мое личное мнение сводится к тому, что несуществование линейных суперпозиций крикетных шаров действительно является контраргументом!»⁹ То

⁷ Пенроуз Р. Новый ум короля. С. 230.

⁸ Там же.

⁹ Пенроуз Р. Новый ум короля. С. 263.

есть Пенроуз говорит: я не видел своими глазами, чтобы крикетные шары так вот запросто, за здорово живешь исчезали... Но это потому, что его не было тогда на мосту через речку Новую, тогда, когда выдрали Витька, Виктора Сапунова. Будь он рядом, свидетельство стало бы решающим и не давало бы ему покоя. И хотя закон затягивания разрыва, являющийся высшим обобщением закона сохранения энергии, касается, конечно же, и памяти, однако память, по-видимому, единственная среда, где ничто не исчезает бесследно: даже самое глубокое забвение не тождественно небытию. Если только найдется приемлемая форма, память сможет вспомнить все – в этом, в частности, убеждает нас психоанализ, а «физический закон» – вполне приемлемая форма репрезентации даже леденящего ужаса. Фрейд был прав в том, что забывается самое ранящее, шокирующее, порой несовместимое с психической вмняемостью. Он просто не дошел до конца в своем анамнезе, остановился на разного рода *первичных сценах* и *первичных травмах*, связанных с сексуальным насилием и вообще с пробуждающейся сексуальностью. Однако самое жуткое (*geheimnisse*) и невыносимое, то, что действительно несовместимо с вмняемостью, случается тогда, когда происходит разрыв суперпозиции, лопается допричинная струна-связка и исчезает что-то или, может быть, кто-то. У Серого Волчка свидетелей всегда меньше, чем у Эдипа, да и те преимущественно рассредоточены по психбольницам. В частности, и потому, что *наука этого не объясняет*. Но хо-

чается верить, что приближается к объяснению. Спросим себя, в каком случае объекты макромира, будь они крикетными шарами, кошками или людьми, могут быть представлены в виде ансамблей или объектов вида $(n\uparrow, n\downarrow)$? Ответ чрезвычайно прост и вполне согласуется с физикой микромира: в том случае, если об этой комплектности никто ничего не знает. Как о кошке Шредингера вплоть до проведения решающего эксперимента.

К счастью, все мы носим в себе ящичек внутреннего мира, который вскрытию не подлежит. Нет ничего страшнее, чем проговориться о его содержимом, поэтому для подстраховки мы и сами в точности не знаем, что в нем. Возможно, там «ролии» цветут и кошка Жидохла гуляет сама по себе. Комплектность оказывается нарушенной, если относительно любого из этих состояний становится нечто точно известно: например, если вдруг раскрывается маленькая постыдная тайна. Такая тайна, ничтожная и невинная сама по себе, становится абсолютной властью (или дикостью), если входит в комплект некой психической реальности. Скажем, она является скрытым параметром $(n\downarrow)$ какого-нибудь существующего у всех на виду n – ну хотя бы «добросовестного работника» или «заботливого мужа»... И вот жена вдруг говорит: «Милый, мне с тобой так хорошо, но зачем, когда ты запираешься в своем кабинете, ты время от времени невпопад напеваешь: цуба-цуба, цуба-цуба... Не делай этого, прошу тебя!» В этот самый момент с «заботливым мужем» проис-

ходит то же самое, что с Кощеем Бессмертным, когда Иван-царевич ломает иглу: «заботливый муж» в один момент как бы развоплощается, а человек лишается сам не знает чего, он становится другим человеком.

Теперь наконец, после акцентирования маленькой постыдной тайны, становится понятным, что психический объект под названием «заботливый муж» представлял собой тоже своего рода комплект ($n\uparrow, n\downarrow$), где параметру $n\uparrow$ соответствовало наполненное чувствами, ответственное бытие, а параметру $n\downarrow$ всего навсего цуба-цуба...

Взятый навскидку пример демонстрирует важнейший императив сколько-нибудь устойчивых и длительных отношений: *люди, не трогайте лягушачьи шкурки друг друга!* Иначе в поисках сестрицы / брата, жениха/невесты придется искать тридевятое царство, тридесятое государство или мчаться во лесок под ракитовый кусток.

Здесь речь идет о психических реальностях, которые удобно рассматривать как объекты пси-поля, и мы можем сказать, что некоторые объекты этого поля, не исключено, что самые важные, суть суперпозиции единства, имеющие вид ($n\uparrow, n\downarrow$), и их стабильное или квазистабильное существование зависит как раз от отсутствия «решающего выбора» (Einselection), оно определяется укрытостью от Серенького Волчка. Но о транслокальных размещениях нужен особый разговор, в данном случае нам достаточно самой простой рабочей модели, зато применимой на куда более ши-

роком поле реальности, включающем в себя и крикетные шары, и человеческие тела, и конкретно Виктора Сапунова. Классическая физика тут ничем не могла помочь, поскольку исходила из естественной установки, что тела существуют в мире тел, соотношения между которыми достаточно прозрачны. Это прежде всего соударения, отталкивания и прочие контактные локальные взаимодействия, готовые иллюстрации детерминизма. Есть также силы дальногодействия во главе с гравитацией, но и они осуществляются в непрерывности, которая может быть принципиально отслежена. Другое дело – суперпозиции, которые могут «защелкиваться» безотносительно к локальным координатам, образуя не просто «устойчивые пары», а единые объекты, имеющие две стороны медали. Например:

1. <Частица, летящая к экрану>, <частица в далеком созвездии Тау Кита>.
2. <В огороде бузина>, <в Киеве дядька>.
3. <Любовь до гроба>, <цуба-цуба>. Парадокс еще в том, что с классической точки зрения нужно что-то совсем невероятное для подобных сцеплений – прихоть всемогущего Творца или что-то сопоставимое с ней. Отнюдь! Современная физика демонстрирует, что суперпозиция и есть простейшая, допричинная связь, и даже не связь, а защелкивание: для нее достаточно чего-нибудь первого попавшегося – пока еще не до разборчивости. Макрообъекты, то есть физические тела, включены в природу, в фюзис, и внутри при-

роды они связаны причинными связями, принято говорить, что они взаимно детерминированы. В суперпозиции же они просто защелкнуты, и уже в таком виде, в такой упаковке доставлены для куда более тесной причинной связи, им еще предстоит сплестись в континуум, а затем и в Универсум.

И еще. Поскольку объект n стабильно существует в виде комплекта $(n\uparrow, n\downarrow)$ до тех пор, пока он не определен, не измерен, пока не произведена процедура решающего выбора, можно предположить, что в макром мире, то есть в природе в строгом смысле слова, удалось уцелеть лишь тем суперпозициям, «обратная сторона» которых расположена где-то чрезвычайно далеко и отнюдь не обязательно в смысле пространственной удаленности – где-то в тридевятом царстве, в трансцендентном. И если для суперпозиции квантовых объектов расстояние не имеет значения, то для всех счетных объектов, стянутых в континуум, это не так, они все *извлечены* из суперпозиций, если только их комплектность была расположена в зоне досягаемости причинных взаимодействий. Стало быть, все еще остающиеся суперпозиции макромира трансцендентны – не обязательно в теологическом смысле. Так или иначе, никто не мешает нам представлять некоторые имеющиеся единства, будь то крикетные шары, кошечки или елочные игрушки, в виде уже упомянутых ансамблей, теневая сторона которых невидима никому, кроме Серенького Волчка.

Кстати, насчет елочных игрушек народ давно что-то подо-

зревает. Время от времени можно услышать странный анекдот, заслуживающий не только улыбки: «Будьте внимательны! В продажу в массовом порядке поступили поддельные елочные игрушки. По внешнему виду они ничем не отличаются от настоящих, но, в отличие от них, не доставляют никакой радости».

А сколько людей, которые представляют собой поддельные елочные игрушки! Вот они ходят, разговаривают, продают и покупают и по виду ничем не отличаются от настоящих. Но Выдра повыдрала их тайные ипостаси, оставив только тела, и поэтому они никому не доставляют радости, даже себе. Поразительнее всего то, что страшная пропажа остается почти столь же незаметной, как участь бедного Витька. Вот как обстоит дело.

Как в сказке

В этом загадочном вопросе разрыва и защелкивания суперпозиций Большой Вселенной привлечение сказочного, фольклорного, антропологического материала нужно не для красного словца. Дело в том, что немотивированное исчезновение, выдергивание людей и предметов приобрело по-настоящему скандальный характер лишь тогда, когда наука в полной мере смогла продемонстрировать свою мощь и преуспела в объяснении природы. Торжество науки, просвещенного разума сопровождалось борьбой с предрассудками, ре-

шительным отбрасыванием всего, что не вмещалось в континуум, а поскольку исчезновение, да еще с нарушением закона сохранения энергии, в континуум никак не вписывалось, оно было отвергнуто с максимально возможной язвительностью. Должно было пройти триста лет со времен Декарта, чтобы Хью Эверетт смог высказать концепцию иных возможных миров (Multiverse), а Бор и Гейзенберг сформулировать свой принцип дополнительности. Пожалуй, сегодня уже безо всякого пренебрежения (все обезврежено) можно приглядеться к донаучному способу разрыва суперпозиций, «раскомплектования комплектов». Наличие потусторонней зацепки в таком комплекте, как «человек» или «душа», не вызывало сомнений у «донаучных», но весьма наблюдательных мыслителей. Например, представление о персональном ангеле-хранителе легко интерпретировать именно подобным образом. Скажем, влиятельного покровителя из числа сильных мира сего иметь полезно и важно, особенно полезно это в том случае, когда все знают, кто он. Иметь ангела-хранителя несравненно важнее, но его охраняющее присутствие будет длиться до тех пор, пока его никто не знает (хотите, назовите это корпускулярно-волновым дуализмом). Сугубая предосторожность в отношении к трансцендентным зацепкам, к состояниям $n\downarrow$ хорошо просматривается в отношении *тайных имен* и вообще в отношении одного из древнейших запретов поминать имя Божие всуе.

Разворачиваемый архаическим сознанием (или пралогич-

ческим мышлением, если воспользоваться термином Леви Брюля) параллельный мир можно упрекнуть разве что в излишнем антропоморфизме, хотя даже самые общие определения, такие как «мир теней», не заслуживают строгой критики, – можно сказать, достаточно удобная рабочая модель. Во всяком случае, понятийный аппарат классической физики, лапласовский детерминизм, куда менее пригоден для описания квантовой реальности, чем язык пралогического мышления. Исчезновение Витька одинаково потрясло бы и Лапласа, и Яду, великого шамана Индигирки и Верхнего побережья, но шаман мог бы предложить более внятные объяснения случившемуся. Во всяком случае, у ангелов-хранителей все еще нет конкурентов.

Да, никто не знает, могут ли они там, в горнем мире, размещаться на кончике иглы и в каком количестве, обладают ли видимостью, вообще какой-нибудь степенью физического представительства в Универсуме. Достоверно известно лишь, что они могут хранить объект вида $(n\uparrow, n\downarrow)$, скажем, Сократа или Виктора, они дополняют их комплектность до полноты существования. Но если сосчитать, акцентировать, зарегистрировать или как-то иначе спугнуть ангела-хранителя, тогда он отлетит, суперпозиция разомкнется – и пусть даже это случится за тридевять земель, за пределами Универсума (Universe), где-нибудь в Мультиверсуме (Multiverse), в одном из ветвящихся возможных миров – все равно идущий по мосту Витек тут же на полуслове, на полувздохе исчез-

нет с легким свистом, и сквозное отверстие в Универсуме мгновенно затянется. Поразительным образом объяснительную силу сохраняют многие концепты пралогического мышления, как, впрочем, и реальности пралогического бытия.

Как выглядят в свете этих объяснений, например, оборотни? Их можно рассматривать как остаточные (реликтовые) следы близких суперпозиций, когда состояния $n\uparrow$ и $n\downarrow$ не слишком далеко разошлись друг от друга и сцепка (в свое время) произошла совсем рядом. В самом деле, человек, волк и лисица, безусловно, близкородственные состояния, для абстрактного внешнего (иномирного) наблюдателя их интерференция дает ничтожный параллакс. Зато вблизи такое сдвоенное существование пугает, в остывающем каузальном мире оно, в сущности, неприемлемо. Поэтому можно сказать, что больше всего не повезло именно этим ходячим иллюстрациям эффектов квантовой нелокальности: они исчезли быстрее всего, как, по-видимому, и все «макрообъекты», у которых «расстояние» между «половинками» оказывалось различным, человекообразным. Ведь достаточно акцентировать нечто избранное (Einselection), выбросить лягушачью шкурку, и «ролия» пропадет, останется роза или лилия. Комплекты, у которых сокрытые параметры спрятаны в трансцендентном, оказались намного более устойчивыми: далекие ангелы-хранители, обитающие где-то в тридевятом царстве, на родине души, возможно, все еще хранят нас, поскольку далеки и невидимы. А ипостаси, конкурирующие

между собой в видимом мире, выбраковывались всегда, они и сегодня безжалостно пресекаются психиатрией.

Суперпозиция и экзистенция

Там, где задействованы материальные тела вроде крикетных шаров, стереотипы классической физики, включая наглядное представление, особенно сильны. Непонятно лишь, зачем строить все картинки на примере этого самого успокоенного (если не сказать, отстойного) уголка Вселенной, зачем делать это до сих пор? Возьмем мир людей и его реальность: тут не увидеть суперпозицию (или чрезвычайно похожую на нее комплектацию) может только слепой. Представим себе партию в покер. Игроки делают ставки, повышают их, кто-то сбрасывает карты, а кто-то продолжает игру. Сосредоточим свой взгляд на игроке по имени Виктор. Он поставил огромную для себя сумму и находится в ожидании, как отреагируют партнеры. Те не знают, что у него на руках, и теряются в догадках. Сообщество как бы ведет параллельное существование в ветвящихся мирах. Они могут поочередно сбросить карты, отказавшись от дальнейшей игры, и тогда Виктор выйдет чистым победителем. Может быть, кто-то захочет уточнить: победитель определится в зависимости от старшинства комбинаций. Кстати, ставка может быть и повышена – и тут снова развилка: для Виктора это возможность стать еще богаче, проиграть все или просто не найти

денег на ответ.

Но пока ничего этого не случилось, пока Виктор в состоянии максимальной укомплектованности сидит за игорным столом, приближается к материализации уже как бы купленный домик на берегу моря, где он с любимой женщиной начинает давно откладываемую жизнь, с прогулками на лодке, которые начинаются уже сейчас. Все это будет неминуемо, как только и если только Виктор выиграет. Другой мир, в котором Виктор пребывает, достаточно мрачен – там проигрывается состояние, наступает безвестность, ведущая к смерти или смирению. Собственно, Виктор, сидящий сейчас за столом, и есть «объект» ($n\uparrow, n\downarrow$), его мерцающий, перемежающийся режим присутствия и составляет суть бытия за игорным столом. В состоянии суперпозиции он полон сил, надежд, скрытых возможностей.

Соперник Виктора Игорь, сидящий напротив, находится в затруднении: перед ним какой-то оборотень, от которого неизвестно чего и ждать. Чтобы справиться с противником, нужно его *вычислить*, а как это сделать? Убить оборотня и убить кошку / кота Шредингера возможно одним и тем же способом: нужно узнать, где их смерть, то есть *вычислить*. Пока Виктор размазан в пространстве присутствия, он недоступен для манипулятивных процедур, его «свойства» и само его существование невыводимы из континуума и не сводимы к нему. Но представим себе, что Игорю удалось сконструировать установку, позволяющую точно измерить нуж-

ный параметр, что-то вроде скрытого зеркала, способного показывать карты партнера. Как только это произошло, суперпозиция разрушена, Виктор потерял весь свой избыток бытия, он больше не «квантовый объект». Попутно мы получаем также ответ на вопрос (лучше сказать, иллюстрацию), почему погибает кошка Шредингера. Поскольку Игорю известен скрытый параметр, он уже выиграл (если не каждую партию, то уж точно игру). В результате тот Виктор, который находится в домике у моря и ласкает любимую, умирает. В новой ситуации определенности его мерцающее бытие фиксируется в континууме предопределенного отныне поведения, квантовый ансамбль редуцируется к одному из состояний, и соответственно мироизмещение, событийная вместимость, субъекта Виктор падает до состояния монопольного линейного причинения. Важно подчеркнуть, что эта судьбоносная перемена произошла несмотря на то, что сам Виктор ничего не делал, – его просто вычислили, посчитали – и убили в нем кошку Шредингера.

Речь, конечно, идет о суперпозициях в экзистенциальных измерениях и отчасти в измерении психологическом. Тело выступает здесь как великий замедлитель и как место крепления – через него дана принадлежность к природе. Тело связывает флуктуации, тем самым минимизируя роль разного рода беспричинных или, точнее говоря, допричинных событий. Эти простейшие события, однако, остаются в принципе возможными даже тогда, когда весь мир вроде бы окон-

чательно умер тепловой смертью, то есть наступила максимальная энтропия. У Пенроуза, который рассматривает распределение частицы в фазовом пространстве, или в «ящике Хокинга» (а им может быть и Вселенная, и чем меньше ячеек в этом ящике, тем ближе он к тепловой смерти), можно найти следующее интересное замечание о роли флуктуаций:

«Энтропия возрастает, потому что, следуя вдоль стрелок, с течением времени мы, как правило, переходим ко все более крупным ячейкам. В конечном итоге точка фазового пространства оказывается затерянной внутри самой большой ячейки – а именно той, что соответствует тепловому равновесию (максимальной энтропии). Однако это будет справедливо только до определенной степени. Если подождать достаточно долго, то точка фазового пространства окажется *в какой-то момент* в ячейке меньших размеров, и энтропия соответственно уменьшится. Как правило, это состояние длится (сравнительно) недолго и энтропия вскоре снова увеличивается при возвращении точки фазового пространства в самую крупную ячейку. Это – *флуктуация*, сопровождаемая мимолетным понижением энтропии. Обычно значительного падения энтропии не происходит, но в очень редких случаях возникает *огромная* флуктуация и энтропия может уменьшиться существенно и остаться малой на протяжении значительного времени»¹⁰.

Сказанное здесь нужно уточнить. Внезапные и даже

¹⁰ Пенроуз Р. Новый ум короля. С. 314.

огромные флуктуации действительно оказываются последним шансом, тогда мир неминуемо движется к тепловому выравниванию. Но тогда, когда некая ячейка фазового пространства «маркирована» или, скажем так, является привилегированной (как, допустим, человеческий мир), тогда поток флуктуаций и есть столбовая дорога к энтропии. Система допусков и замедлений, составляющая в совокупности *природу*, фюзис, как раз и служит для связывания диких флуктуаций. По отношению к душе таким замедлителем является человеческое тело.

Однако замедлитель замедлителем, но сущность души неотделима от риска суперпозиции или целой гирлянды суперпозиций, ранжированных по степени важности, опасности или краткости / длительности. Начиная от суперпозиции самого бытия, возможно, защелкнувшейся в результате флуктуации, и вплоть до исследованных Фрейдом идентификаций и еще более эфемерных отождествлений – всюду мы имеем дело со странными объектами вида ($n\uparrow$, $n\downarrow$), просто в случае души они уже «переташены» в особую ячейку, и, следовательно, их преобразования, которые могут представлять собой «осознание» или, например, «отреагирование», далеко не всегда являются терапевтически полезными. В наиболее важных случаях они оказываются тем, что в физике называют «редукцией вектора состояния», – утратой теневой подстраховочной реальности, одного из модусов $n\uparrow$ или $n\downarrow$. То есть происходит отлет, исчезновение ангела-хра-

нителя. По отношению к комплектации субъекта это падение мерности, даже если перещелкнута темная сторона. В общем виде можно сказать: чем глубже лежит слой реальности, в котором размыкается суперпозиция, тем катастрофичнее последствия – вплоть до выдергивания (выдрали Витька), но и, как ни парадоксально, тем бесследнее происходит исчезновение. Свидетели, способные вспомнить, наперечет. Вернемся к нашему примеру с другим Виктором, играющим в покер. Пока у него на руках неведомая другим участникам игры комбинация (не сканированная счетными устройствами сознания), он представляет собой квантовый ансамбль, благодаря чему вокруг него витает облако возможностей. Всмотримся в него.

Суперпозиция и судьба

Люди, во всяком случае лучшие из них, несломленные и несдавшиеся, имеют на руках некую комбинацию, неведомую окружающим, а зачастую и им самим. Возможно, они никогда не садились за игорный стол и не прикасались к картам, но они, потенциальные Викторы, сделали свои ставки либо пребывают в размышлении, где, когда и как заявить о себе. Имея на руках основополагающую тайную комбинацию, они (они – это мы) пока играют по мелочи, почти понарошку, для поддержания тонуса, всячески избегая выкладывать на первый попавшийся стол свои тайные козыри. Шифр

комбинации, остающийся действенным до тех пор, пока не расшифрован, и есть судьба. Теперь один из самых навязчивых вопросов: «Можно ли знать свою судьбу?» – наконец проясняется. Даже странно, что никто до сих пор не произвел запрашивающегося сопоставления с элементарными частицами и их корпускулярно-волновым дуализмом. Можно ли с точностью определить положение электрона на орбите? Можно ли все-таки узнать, жива или мертва кошка Шредингера? Можно ли знать свою судьбу?

Что тут скажешь? Условия, при которых мы можем точно узнать участь квантовой кошки, известны: нужен контрольный эксперимент, он в точности все покажет. Результат эксперимента будет строго альтернативным: кошка жива или кошка мертва, это так называемая исключающая дизъюнкция. Но при любом исходе эксперимента, собственно, кошка Шредингера, Жидохла, погибнет – ну, можно сказать, исчезнет. «Ролия», Жидохла, судьба существуют до тех пор, пока тайная комбинация остается нераскрытой. Вот и среди людей немало ходит тех, кто относится к классу мертвых кошек Шредингера: они вроде бы живы, ходят на работу, покупают сосиски и путевки в Хургаду, они смотрят сериалы и неплохо выглядят. Но, присмотревшись к таким индивидам, хочется сказать про себя: *кошка сдохла, хвост облез*. Выигрыши и проигрыши могут чередоваться с удивительной скоростью, но в случае раскрытия тайной комбинации, тех самых *карт*, выпавших при сдаче, потенциальный Виктор (victor) превра-

щается в безнадежного лузера.

Над этим следует задуматься, поскольку речь явно идет о некотором выдергивании, хотя и не вместе с телом. Как если бы множество геделевского типа, в котором мерцали невыводимые элементы, после засвечивания комбинации становилось счетным и это новое множество состояний только по привычке, по инерции продолжало именоваться душой. Произошедшее падение мощности, после которого элементы поведения можно в принципе пересчитать и учесть, уместно назвать группировкой ratio – и это будет «редукция вектора состояния» в экзистенциальном измерении, как говорится, в лучшем случае. Другой исход, связанный с фиксацией состояния $n\downarrow$, а не $n\uparrow$, называется *помрачением*, и он тоже возможен в случае раскомплектации, распада объекта ($n\uparrow$, $n\downarrow$). Не будем сейчас вдаваться в соблазнительные этимологические изыскания в области соответствующих оценок – «замкнуло», «переклинило», «сдвинулся», «свихнулся», «съехал с катушек»... В действительности потерявший судьбу новорожденный агент ratio, послушный силам социального манипулирования и прозрачный для других, точно так же съехал с катушек, как и раскомплектованный обладатель состояния $n\downarrow$, просто он съехал в другую сторону. У него больше нет судьбы, поскольку судьба его известна... А стало быть, как и для всякой квантовой нелокальности, пребывание в состоянии «известно» означает редукцию вектора состояния, то есть расформирование комплекта и пере-

ход к иному рангу реальности. Не для всякого положения вещей (Tatsachen в том смысле, в каком этот термин использует Витгенштейн) их познание оказывается безнаказанным. Полностью безнаказанно познается только то, что связано в природу, что уже извлечено из суперпозиций, соотнесено с самим собой, как говорит Гегель. Ну и, так сказать, раскомплектовано до состояний крикетных шаров, роз и лилий. Только в стабилизированной природе, в макром мире возможны *вторичные букеты*, такие сочетания, при которых входящие в них элементы остаются в ранге единичной экземплярности, не переходят в режим мерцающего существования квантовых кошек. Всякая строгая инвентаризация познания есть не что иное, как подсчет дохлых кошек. Иное дело *понимание*, оно само разворачивается в мерцающем режиме. Понимание, предчувствие, раздвоенность без решающего эксперимента, без Einselection, вовсе не являются чем-то несовершенным, они просто иные виды познания, неприменимые к раскомплектованным объектам, к множествам элементов, соединенных прозрачными каузальными связями. По отношению же к суперпозициям всех видов и предчувствие, и раздвоенность вполне аутентичны: они дают пощаду квантовым кошкам и сохраняют за каждым Виктором возможность виктории.

Судьба принадлежит к классу квантовых нелокальностей, она тоже своего рода кошка из отряда кошачьих Шредингера. При этом она никакая не злодейка, а, наоборот, спаси-

тельница, ведь и свобода воли есть мерцающий режим присутствия в соответствии с судьбой. Но простой принадлежностью к квантово-кошачьим дело здесь не исчерпывается. Прежде мы по умолчанию рассматривали линейные суперпозиции, которые как раз и представлены комплектом двух состояний. Судьба, конечно, не является линейной суперпозицией, хотя в частных случаях она и может быть сведена к альтернативе ($n\uparrow$, $n\downarrow$). Судьба – это именно тайная комбинация, складываемая даже не из пяти карт, как в обычном покере, а из куда более обширного набора, где одна или несколько карт могут внезапно открыться, причем либо только «для себя», либо для всех участников этой партии. Да и *карты судьбы*, ее игральные кости, не имеют стандартного вида, они обычно неопознаваемы в качестве альтернатив друг другу.

И все же, и тем не менее. Сравнение человека, идущего по жизни, бесстрашно балансируя между уверенностью и блефом, и человека, Виктора или Игоря, сидящего напротив своего визави с неизвестной для него комбинацией, работает. Когда есть что-то за душой, есть и сама душа, и воистину поразительна сила неразгаданности тайной комбинации, являющаяся судьбой в действии. Очень часто эта сила превосходит рациональные, обозримые ресурсы уверенности и властвования: деньги, покровительство, служебное положение – человек с затейливой комбинацией карт судьбы побеждает раскомплектованного агента хотя бы потому, что явля-

ется воистину субъектом, пребывающим в полной мерности, а его конкурент, что бы за ним ни стояло и каким бы чином он ни был облечен, остается всего лишь дохлой кошкой Шредингера. А также потому, что тайная, неведомая комбинация дает силу обуздания превратностей бытия.

Носитель неразгаданной, потенциально какой угодно комбинации, конечно, настораживает, но он же и обезоруживает, в том числе и в смысле чувственной притягательности. Пожалуй даже, это свидетельство является наиболее точным, поскольку на попроще собирания урожая влюбленностей, обладатель(ница) судьбы, даже трагической, неизменно побеждает дохлую кошку Шредингера в человеческом обличье. Таким образом, рассмотрение человеческой экзистенции с точки зрения линейных и комплексных суперпозиций приоткрывает новые горизонты постижения: похоже, что контурная карта познания обретает наконец свой объем. Ну а Эрик Берн, написавший когда-то неплохую книжку «Игры, в которые играют люди», сосредоточился почему-то на играх в бирюльки, а до главной игры так и не дошел. Игра судьбы, связанная с наличием тайной комбинации, так и осталась им не замеченной, быть может, как раз потому, что отвлекающие (ролевые) игры он принял за главные.

И вот еще вопрос, в той или иной форме поднимавшийся в большинстве моральных трактатов: что есть счастье или счастливая жизнь? Лучший ответ тут, пожалуй, дал Аристотель, который (как и все греки) считал, что нельзя судить

о счастье человека, пока жизнь его не завершена. Если вдуматься, ответ Аристотеля отсылает как раз к тайной комбинации и речь идет о том, чтобы она сработала как ставка целой жизни, которая тем самым осталась бы не проигранной или *не разыгранной на кону*. Проясняются и слова Григория Сковороды, его великое философское завещание: мир ловил меня в свои сети, да не поймал... Наш пример с игрой в покер сгодится и здесь: пока на руках Виктора нераскрытая комбинация, его параллельная жизнь не отключена от возможности проживания. Мы могли бы вывести эту проекцию на экран: вот южный приморский городок, чайки над морем, Виктор и его женщина идут в ближайший магазин за продуктами, здороваются с соседями, с которыми счастливая пара уже успела познакомиться. Вот в компании здешних жителей Виктор идет через мостик – и он, идущий, пусть даже призрачно идущий, ни о чем таком не подозревает. Разве что поглядывает на мальчишку-велосипедиста, едущего навстречу. В этот момент другой участник игры, Игорь, засвечивает тайную комбинацию, и Виктора тут же выдергивают. Вслед за этим гаснет экран, но мы успеваем заметить недоумение его спутников и то, как мальчишка на велосипеде проехал через образовавшееся пустое место. На проекции все было видно именно так: посторонние участники воображаемого мира на какое-то мгновение *пережили* (продержались дольше) того, кто этот мир вообразил или воображает. Сейчас, впрочем, важно отметить другое. Следует

ввести разделение, не уступающее по своей радикальности различию между живыми и мертвыми. Немало людей, ходящих по мостам и улицам, необратимо раскомплектованы, их ангел-хранитель отлетел, а тайная комбинация раскрыта. Их судьбы исчерпаны. Но они живы, они числятся среди живых, среди полноправных субъектов. Та к вот в некотором смысле они мертвее тех, кого мир так и не поймал в свои сети, тех, кто ушел, не раскрыв до конца комбинации. С угасанием, отмиранием тела их параллельные миры не захлопнулись: они, сохранившие тайную комбинацию судьбы, поступили в распоряжение ангела-хранителя. Они там, куда Серенькому Волчку никогда не добраться.

Критика диалектического разума

Если точно знать, что выдергивают людей, что в любом континууме, претендующем на всеохватность, неизбежны прорехи, появляется возможность создания метатеории: операции внутри «хорошо упорядоченных» множеств будут ее частным случаем. Интеллектуальные представления, претендующие на всеобщность, поддаются коррекции с учетом эффектов квантовой нелокальности, редукции вектора состояния. Диалектика, в том числе гегелевская диалектика, не является исключением.

Что можно добавить к бытию и небытию, к становлению, к различению и полаганию, вообще к блистательному диа-

лектическому аттракциону, разворачивающемуся в «Феноменологии духа» и «Науке логики»? То есть добавлять можно что угодно в порядке конкретизации и детализации, а вот с позиций перехода к более общему уровню, как бы с позиций Multiverse? Вот диалектическое противоречие, главный аттракцион всего предприятия, с него и начнем. Возьмем ли мы логическую форму $a \ \& \sim a$, представляющую собой проекцию действующего отрицания на плоскость логических схематизмов, или саму работу негативности в динамическом аспекте, мы столкнемся с допущением, которое является очевидным лишь на первый взгляд, лишь до тех пор, пока мы не обратим внимание на защелкивание суперпозиций, благодаря которому и возникает комплектация. Гегель все время возвращался к теме первоначал бытия:

«Мы уже показали, что началом служит бытие, как такое, значит, качественное бытие. Из сравнения качества с количеством легко увидеть, что по своей природе качество есть первое. Ибо количество есть качество, ставшее уже отрицательным; величина есть определенность, которая больше не едина с бытием, а уже отлична от него, она снятое, ставшее безразличным качество. Она включает в себя изменчивость бытия, не изменяя самой вещи, бытия, определением которого она служит; качественная же определенность едина со своим бытием, она не выходит за его пределы и не находится внутри его, а есть его непосредственная ограниченность. Поэтому качество как непосредственная определенность есть

первая определенность, и с него следует начинать»¹¹.

В действительности (и в этом поправка) качество не первая определенность, качество – устойчивая и хорошо различенная определенность. С ней, собственно, и работает диалектика, используя оптикоцентрическую метафору: угол падения, угол отражения, рефлексия, проекция. Эта метафора теоретически осмыслена, начиная с Платона, и хорошо себя зарекомендовала, став, по сути дела, рабочим языком философии.

Речь не идет о полном отказе от нее, скорее, о том, чтобы ее расширить и, помимо геометрической оптики прямых лучей, ввести в методологический оборот такие понятия, как «дифракция» и «интерференция света»; как раз интерференция пучка фотонов и по сей день служит лучшей иллюстрацией квантово-механических эффектов.

Возвращаясь к квантовой определенности, мы оказываемся в пределах континуума, где результатом преобразования, исчезновения качества, будет некоторое другое качество, столь же определенное как в-себе, так и для-другого. Переход от одного качества к другому может осуществляться скачком посредством внутренних противоречий, но устойчивая экзemplярность вещей, качеств не может самопроизвольно исчезнуть из континуума, имя которому Универсум, и даже из визуального поля, где зоны становления предстают как питомники устойчивой экзemplярности. И

¹¹ Гегель. Наука логики. СПб., 2002. С. 66.

всякое сущее может иметь или в себе или вовне собственное отрицание, *свое иное*, то, что закономерно придет на смену, пройдя при этом через мостик причинности. Но свое иное – это противостоящее качеству качество, нечто уже раскомплектованное и собранное заново, находящееся внутри фюзиса, сущего, какое оно есть и каким стало. Связь с фигурой своего иного, как и все виды каузальных связей, является достаточно поздней. Требуется, чтобы из «ролий» уже были извлечены розы и лилии, после чего из них можно, конечно, составлять букетики бытия и гербарии познания.

Знать себя, быть собой

Подойдем к вопросу комплектации с другой стороны. Тезис «познай самого себя» индуцирует, как правило, неверный порядок вопрошания с весьма поверхностной формой удивления – как мы ленивы и не любопытны или как мы боимся неприятных сюрпризов. Прежде, однако, следовало бы разобраться, в каком смысле «знать себя» есть добродетель человека.

В субъектной реальности «знать себя» – это одновременно нечто очевидное, нечто мистическое и нечто труднейшее. При этом, однако, за пределами субъектной сферы рефлексивная позиция «знать себя» указывает, напротив, на некоторую простейшую данность – именно ее Сартр называет «бытие в себе» или просто «в себе». Например, сущее зна-

ет себя, поскольку регенерирует себя по собственному образу и подобию – *длит во времени* и создает тем самым прочность единичного, данность как данность самому себе. То есть быть в качестве сущего и «знать себя» – это одно и то же. Это простейшее утверждение кажется чем-то невероятным лишь из-за того, что в сфере субъекта, откуда оно представит констатирующим рефлексивным удвоением, простое соотношение с самим собой выглядит чем-то недостижимым, поскольку уже утрачено.

Увы, от частого и бессмысленного употребления термина стерлось важнейшее понятие гегелевской диалектики, в данном случае – онтологическая достоверность и значимость соотношения с самим собой (собственно опосредованность). Актуализовать, освежить его помогает несколько наивная, корявая, но эвристически очень плодотворная формулировка Натана Солодухо:

«Принцип масляного масла – это принцип двойного существования, который выражается следующим образом: существование существующего, то есть то, что реально существует, *существует вдвойне*. Существовать вдвойне – это не значит существовать дважды или двукратно, ибо двойное существование целостно и однократно, но оно есть существование двухмерное, квадратичное, со страховкой. В отличие от этого, несуществующее тоже существует, но существует “одномерно”, существует как существование несуществующего.

Исходя из сказанного, бытие подчиняется принципу масляного масла, небытие – не подчиняется. Принцип двойного существования (или дублирования) задается в самом определении Бытия как существующей реальности»¹².

Действительно, удвоенность, дублирование, короче говоря, соотношение с самим собой рассматривается Гегелем как устойчивое, «никуда не девающееся» сущее: без соотношения с самим собой мы имеем дело лишь с исчезающим моментом. Тут следует задержаться, поскольку мера странности довольно высока и понимание сути дела есть одновременно и понимание исходной онтологической универсалии. Необходимо свести вместе свисающие концы.

Итак, то, что реально существует, существует вдвойне. Или – соотносится с самим собой. Но. «Соотносится с самим собой» – это с точки зрения расхожих представлений есть нечто «гносеологическое», познавательное и в этом качестве вполне представимое. Теперь же получается, что это познавательное, рефлексивное и даже логическое обладает неким бытийным рангом – и не каким-то там рангом вроде онтологического статуса представлений, а рангом «подстраховки» и, в общем-то, конституирования самого бытия в качестве устойчивого сущего, отличного от ничто, противостоящего ничтожению. Как же выглядит это соотношение с самим собой, удвоенность, «знание себя» в мире физических взаимодействий и чем оно является среди них – вот в чем вопрос.

¹² *Солодухо Н. М.* Философия небытия. Казань, 2002. С. 58.

Мы-то привыкли, что в пространстве познания познавательные усилия невесомы для познающего – то ли дело хотя бы «пинок»... А тут оказывается, что удвоение, опосредование, нечто *совершенно познавательное*, как раз и обеспечивает то, что есть сущее, в качестве сущего, а не в качестве, наоборот, ничто! Как же внутри фюзиса отследить эту исходную операцию? Ответа пока нет, у самого Гегеля наименее убедителен постулируемый переход от сферы чистого бытия и соотношения с самим собой к философии природы, к «химизму» и «механизму» (столь же беспомощны и последующие «магнетизм» и «электризм»).

Поэтому пребудем пока в сфере онтологической рефлексии, имея в виду возможное последующее прояснение статуса в категориях самого фюзиса. Вот «масло масляное», классический образец тавтологии, – разве недостаточно сказать просто «масло»?

Однако прав упрямый Солодухо, немасляное масло, неподчинение соотношению масло масляное, это и есть небытие. Не удвоенное, не соотнесенное с самим собой бытие есть ничто, чистое ничто, которое от бытия ничем не отличается, потому что оно *вообще ничем не отличается*, поскольку «отличаться чем-то» значит, по крайней мере, соотноситься с самим собой. И тут просто нельзя не привести прямой пассаж из рассуждений Солодухо, даваемый, увы, без всякой ссылки на Гегеля:

«Форма без содержания есть ничто, как и содержание без

формы, сущность без явления есть ничто... Ничто формально есть все в потенциале. И это так. Форма без содержания реально не существует, как не существует явление без сущности, случайность без необходимости. Оторвано друг от друга они реально не существуют, то есть представляют собой ничто, реальность несуществующего.

Одна сторона существования, оторванная от другой стороны, есть ничто. Одно существование без своего другого существования есть ничто. Вот что такое ничто. Ничто это только *одно* существование, одно “есть”, одно “да”. Ничто есть то, чего нет. “Есть” – “нет”, существование – несуществующего. А *ничто* это двойное существование, это “есть” – “есть”, нечто есть то, что есть. Существование – существующего»¹³.

У Гегеля бытие, чистое бытие, есть ничто, само ничто. Оно всегда лишь момент, не соотнесенный с самим собой и в силу того ничтожный. Чтобы зацепиться за кромку существования, нужно соотнестись с собой. А вы что думали? Что для существования нужно обладать массой и подчиняться силе тяжести? Занимать место в пространстве? Не исключено – но все это потом, это и многое другое, а для начала нужно хотя бы соотнестись с самим собой, стать маслом масляным, а не просто маслом, стать формой некоторого содержания, а не *просто формой*. Бытие, чистое бытие, есть ничто, и только удвоенное бытие есть бытие. Как тут не вспомнить

¹³ Солодухо Н. М. Философия небытия. С. 59

русскую (а может быть, и цыганскую) пословицу «Один сын – нет сына, два сына – это полсына, а вот три сына – сын».

Кое-что проясняется насчет вещи-в-себе, проясняются феноменологическая правота Канта и онтологическая истина Гегеля. Невозможность знать вещь-в-себе, подчеркиваемая Кантом, относится лишь к весьма специфической вещи-в-себе, а именно к субъекту, для которого «в-себе» проблематично и как знание, и как бытие. Относительно же сканирования всех прочих «в-себе», представляющих мир объектов, дело обстоит куда проще и надежнее («Мы не знаем вещи-в-себе – да нет ничего проще, чем знать ее», – говорит Гегель). В самом деле, «знать вещь-в-себе» и просто «знать» – это одно и то же. А вот *знать себя* – это порой операция, требующая высшего пилотажа.

«Возникает понимание, насколько, в сущности, далека современная мысль, которая считает, что человек живет среди фикций и не знает вещей-в-себе, от истины. Человек – это единственное сущее, которое обречено на то, чтобы только и иметь дело с вещами-в-себе! Которые, конечно, уже никакие не в-себе... Да, человек единственное из сущих, которое живет в открытости всем сущим и их бытию, собственно, в этом и есть бытие человека, задаваться вопросом о том, каково быть мышью или другим сущим, спрашивать о бытии этого сущего или просто о бытии!»¹⁴

Здесь же знаменитый тезис Сартра, можно сказать, важ-

¹⁴ Матвейчев О. Суверенитет духа. М., 2008. С. 440.

нейший постулат экзистенциализма: *«человек есть то, чем он не является»*. То есть «смысл человека» – это быть иным и всякий раз быть иным, человеческое познание есть бытие по образу и подобию иного.

В знании самого себя все сущее успокаивается и стабилизируется, обретая тем самым устойчивость в соотношении с иным, – человек лишен подобной опоры, он *не стабилен* и сущностно пуст. Но и пустота его нестабильна и есть некое падение, в котором он то и дело цепляется за уступы с помощью знака. Вспомним Витгенштейна: как мы понимаем другого, если в нашем распоряжении только знаки? И прекрасный контрвопрос: а как он сам себя понимает, если в его распоряжении только знаки, те же самые знаки?

Дело, быть может, в том, что знаковое бытие (семиосфера) очень легкое, первоначально оно только падение и излучение, в нем нет мощных стабилизирующих сил, вторичных аттракторов, возникающих по мере оформления новой Вселенной.

Сущее, знающее не самого (самое) себя, а только иное, причастно к небытию, пустотно или, говоря словами Хайдеггера, выдвинуто в ничто. Как еще можно описать это удивительное сущее, которое точно в такой же мере есть и ничто? Это декартовское *cogito*, которое больше всего хотело найти двойное «да», нечто столь же простое, как масло масляное, но ни в чем не может найти простейшей опоры душа-сознание, кроме как в акте самого поиска...

Одна из даосских притч утверждает: кувшин делается не из пустоты, а из глины. Но нужен он именно ради пустоты, пустота – это рабочая поверхность кувшина, его внутреннее и воистину его сущность.

Хорошая притча, и ее можно продолжить. И сделаем это так.

Пустота нужна кувшину, чтобы ее можно было заполнить, – это локальная пустота. А если сделать ее «нелокальной», например выбить дно, кувшин потеряет смысл и перестанет быть кувшином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.